

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БАРОН К.М. ГЕРЗДОРФ И ОРЛОВСКИЕ «ЛЕГИОНЫ» В 1813 г.

В ходе войны 1812 года российские власти предприняли несколько попыток создания воинских частей из военнопленных и дезертиров Великой армии. Расчет делался не только, а может быть, и не столько на использование бывших солдат и офицеров армии Наполеона в вооруженной борьбе против французского императора, но в первую очередь на политический резонанс. Сам факт существования, а уж тем более участия в боевых действиях таких формирований, должен был продемонстрировать наличие антинаполеоновских настроений в многонациональной Великой армии и внушить оптимизм антибо напартистским силам в Европе. Ставка делалась в первую очередь на наименее верных союзников Наполеона - выходцев из различных немецких государств, недаром наиболее крупным воинским формированием из пленных, дезертиров и эмигрантов был Российско-германский легион. В основном из немцев состоял и отряд подполковника В.И. Дибича. Однако к исходу кампании 1812 года, когда поражение Наполеона было предопределено, в России была предпринята попытка создать в Орле воинские части также из французов, итальянцев и голландцев. Эта попытка прочно связана с именем возглавлявшего эти формирования генерал-майора Карла Максимовича Герцдорфа (Герцдорфа).

Если история немецких частей, в первую очередь Российско-германского легиона, нашла свое отражение в литературе, то орловским «легионам» (первоначально речь шла о нескольких легионах) в историографии не повезло¹. Многие нюансы истории легионов до сих пор остаются непроясненными.

История орловских «легионов» начинается 8 ноября 1812 г. В этот день император Александр I подписал в Санкт-Петербурге указ на имя М.И. Кутузова. В нем говорилось, что поскольку многие из пленных желают вступить в русскую службу, то «составление из самих французов, итальянцев и голландцев особого войска имело бы при нынешних обстоятельствах свою пользу». В связи с этим император предписал пленных указанных национальностей, желающих вступить в русскую службу, отправлять в одно депо, а именно в г. Орел. О том, когда в Орле соберется «значительное число» таких пленных и можно будет приступить к формированию батальонов, следовало донести, приложив списки штаб- и обер-офицеров. «Для ближайшего за ними людьми надзора и чтобы они не терпели ни в чем нужды» император предписывал Главнокомандующему отправить по собственному усмотрению в Орел чиновника, которому поручалось заботиться о продовольствии и одежде пленных. При этом обмундировывать их полагалось одеждой из рекрутского сукна, но с цветными (желтыми, голубыми или красными) воротниками². В.Р. Апухтин справедливо пишет, что Орел, расположенный в Центральной России, был избран местом формирования легионов потому, что в него могли быстрее собраться пленные из внутренних губерний, а кроме того он находился в отдалении от театра военных действий и «потому при известной свободе, которая должна была быть допущена в легионах, не представлялось опасно сти, что эти военнопленные могут бежать в отечество»³.

Однако реальные меры по организации легионов были предприняты только в декабре. Дежурный генерал П.П. Коновницын 5 декабря 1812 г. в отношениях к гражданским губернаторам изложил распоряжение Кутузова относительно организации легионов из военнопленных французов, итальянцев и голландцев в Орле. Поскольку большая часть пленных уже была отправлена во внутренние губернии, гражданским губернаторам предписывалось спросить всех прибывших к ним французов, итальянцев и голландцев, не желают ли они вступить в российскую службу. Тех из них,

кто изъявит согласие, необходимо было снабдить одеждой, провиантом и деньгами в соответствии с «положением» о пленных от 29 августа 1812 г. и отправить в Орел под надзором особого чиновника⁴. В тот же день направлять в Орел пленных, желающих вступить в легионы, было предписано А.П. Тор-масову и П.В. Чичагову⁵. Через день, 7 декабря, из канцелярии Кутузова было отправлено предписание орловскому губернатору, согласно которому до назначения начальства над легионами он должен был принимать направляемых пленных в свое ведение и, «составив из них особую команду, распределить по числу их офицеров, поручив всех их в особый надзор одного из благонадежнейших чиновников», за выбор которого нес ответственность. Орловскому гражданскому губернатору вместе с тем предписывалось обеспечивать продовольствием легионеров, а также в случае отсутствия одежды снабжать их одеждой из рекрутского сукна с желтыми, голубыми или красными воротниками. О принятых мерах и числе прибывших в Орел пленников следовало доносить⁶. 8 декабря, сообщая императору о предпринятых мерах по отправке в Орел желающих вступить в легионы пленным, Кутузов писал, что, «судя по теперешнему числу объявивших желание вступить в русскую службу, число их должно быть весьма значительно, ибо из находившихся в Вильне вступает в нашу службу 3000 человек». Все эти люди по снабжении обувью и одеждой (частично отбитой у неприятеля), а также кормовыми деньгами (по 5 коп. в сутки, не считая провианта), согласно рапорту Кутузова, были уже отправлены в Орел⁷.

Тем временем губернские власти уже начали исполнять предписания, изложенные в отношении Коновницына от 5 декабря. Так, 16 декабря смоленский гражданский губернатор К.И. Аш доносил из Вязьмы, что приказал смоленскому уездному предводителю дворянства строго исполнять полученное предписание, поскольку препровождаемые из армии пленные отправляются в места назначения из Смоленска⁸. 10 декабря сообщил о получении отношения Коновницына и просил прислать текст положения 29 августа минский гражданский губернатор⁹.

Огромные пространства империи, несомненно, препятствовали оперативному исполнению мер, изложенных Коновницыным. К при меру, о получении отношения в Томске местные власти сообщили только 6 февраля 1813 г. Впрочем, там никаких пленных, которые могли бы быть отправлены в легионы, и не было¹⁰.

24 декабря находящийся в Вильно А.А. Аракчеев направил Кутузову рапорт, в котором сообщал очередное высочайшее повеление. Согласно ему, легионы в Орле следовало составлять по штатам российской армии, т.е. «в ротном, батальонном и полковом виде», численность их должна была соответствовать численности российских пехотных полков. Всем чинам, служащим в легионах, предписывалось выплачивать жалование по мушкетерскому окладу, а сверх жалования и провианта Кутузов должен был назначить каждому «некоторую денежную сумму в месяц на мясную и винную порцию, выдавая оную еженедельно»¹¹.

31 декабря 1812 г. Кутузов сообщил министру финансов Д.А. Гурьеву содержание императорского повеления от 24 декабря, а заодно указал и сумму на мясную и винную порции - каждому нижнему чину по 1 руб. в месяц ассигнациями. Эти деньги, а также жалование легионерам следовало требовать из Орловской казенной палаты, о чем Кутузов просил дать палате соответствующее предписание¹².

К этому времени было принято окончательное решение о руководстве легионами. Еще 30 декабря канцелярия Кутузова сообщала орловскому губернатору о том, что формирование легионов в Орле поручается генерал-майору К.М. Герцдорфу, которому после его прибытия и следует сдать все дела, касающиеся этого вопроса¹³. На следующий день о назначении было сообщено и самому Герцдорфу, которому из канцелярии Кутузова были также препровождены копии высочайших повелений по этому вопросу, а также сообщалось о размере суммы на покупку винной и мясной порции для нижних чинов. Деньги эти Герцдорф должен был

требовать из Орловской казенной палаты, а за тем выдавать месячное содержание на руки, «не заботясь вовсе о том, каковым бы образом они (легионеры. - *Б.М.*) деньги сии не употре бляли, ибо оные составляют их собственность и не подлежат никакому частному отчету». Герздорфу предписывалось также выплачивать легионерам в установленное время и жалование¹⁴.

К.М. Герздорф с 1800 г. был шефом Углицкого пехотного полка, находившегося в Архангельске, и с сохранением этого звания был назначен 19 марта 1812 г. начальником 5-й пехотной дивизии¹⁵. 22 марта М.Б. Барклай де Толли предписал Герздорфу в связи с назначением его в 1-ю Западную армию немедленно отправиться в Вильно¹⁶. Находящийся в Петербурге Герздорф обратился к управлявшему с 22 марта (в отсутствие Барклая де Толли) Военным министерством князю А.И. Горчакову с вопросом, следует ли ему отправляться в Архангельск для сдачи полка. 29 марта Горчаков передал Герздорфу решение императора, согласно которому он оставался шефом полка и мог сделать все необходимые распоряжения по полку через адъютанта. Предписание Горчакова завершалось словами: «его величеству благоугодно, чтобы вы окончивши здесь свои дела, не терпящие отсрочки, отправившись прямо в Вильно и там при первой вакансии вы получите место дивизионного командира». Судя по тому, что ни в этом документе, ни в предписании военного министра 5-я дивизия не упоминается, дата фактического назначения Герздорфа на должность ее начальника оставалась под вопросом¹⁷. 3 апреля Горчаков в ответ на рапорт Герздорфа от 2 апреля также писал: «доколе вы не будете назначены дивизионным командиром звания бригадного начальника вы не лишаетесь и можете удержать при себе бригадного адъютанта вашего Углицкого пехотного полка штабс-капитана Мешкова, а когда последует вам назначение в дивизионные начальники, то можете представить о утверждении его в дивизионные адъютанты»¹⁸. Вместе с тем генерал-майор П.Б. Нилус, «вступив в отправление должности бригадного командира по высочайшему повелению, отданному минувшего марта 19 дня» просил 20 апреля Герздорфа о присылке адъютанта для сдачи дел по бригаде¹⁹. Более того, вступивший в должность Нилус направил Горчакову рапорт о недостатке 67 подъемных лошадей, стоимость по купки которых оценивалась в 4690 руб., и о числящемся за Герздорфом долге по полку в 3000 руб. 6 июня 1812 г. Горчаков предписал Герздорфу компенсировать эти траты²⁰. Барон обещал возместить их присылкой из Дании (выходцем откуда он был) в Архангельск 15 000 руб., но и к 2 ноября известия о получении в Архангельске этих денег в Военном министерстве не имелось, о чем управляющий министерством и писал Герздорфу²¹.

Возможно, история с казенными долгами воспрепятствовала дальнейшей карьере Герздорфа, и 12 июня 1812 г. он был назначен пре-зусом полевого аудитората 1-й Западной армии²². 16 июня А.П. Ермолов уведомил Герздорфа, что он должен находиться при Главной квартире²³. С этой должности он и отправился в Орел. Путь его до Орла пролегал через Мериц, Молодечно, Минск и Оршу²⁴.

3 января 1813 г. последовал именной указ управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову по поводу орловских «легионов», в котором суммированы все предшествующие распоряжения. Император подтверждал, что местом формирования легионов назначен Орел. Из него следует также, что, получив от Кутузова сведения об увеличении числа желающих вступить в орловские «легионы», император повелел формировать их по штатам российских пехотных полков, провиант и жалование производить по мушкетерскому штату, и сверх того назначить нижним чинам по 1 руб. в месяц на мясную и винную порцию, производя эти выплаты еженедельно. Как мы видели, в прежних высочайших повелениях сумма дополнительных выплат не названа - она фигурирует в документах, исходящих от самого Кутузова и определена именно им. Но в указе от 3 января эта сумма де-факто утверждена императором. В указе также говорилось, что формирование легионов предоставлено Герздорфу, а

генерал-майоры К.К. Сиверс, Г.Г. Энгельгардт и Е.Е. Удом назначены ему в помощь. Император приказывал Горчакову принять формируемые легионы в ведение Военного министерства, снабжать их деньгами, провиантом и обмундировать нижних чинов из рекрутского сукна с цветными во ротниками. По поводу отпуска необходимых сумм Горчакову следовало войти с ходатайством в Комитет министров. Обоз и оружие для легионов временно не назначались²⁵. Этот указ в копии был уже 4 января направлен Аракчеевым Кутузову²⁶.

Тем временем 18 января 1813 г. Герздорф прибыл в Орел, от куда 28 января направил Кутузову рапорт с изложением хода дел. По сведениям, полученным Герздорфом 21 января от орловского гражданского губернатора П.И. Яковлева, в городе оказалось 13 рядовых, желающих служить в легионе. Кроме этого, восемь человек рядовых были присланы из Черниговской губернии. В легионе числилось и трое офицеров. Согласно приложенной ведомости, один из офицеров по болезни остался в Вильне, а кроме 13 состоящих налицо рядовых (шесть французов, пять итальянцев и два голландца), четверо из записавшихся умерло и еще четверо отправлены в госпиталь. Впрочем, по имеющимся у Яковлева сведениям, комендант Главной квартиры С.Х. Ставраков еще 5 декабря отправил в Орел 2000 человек, а 7 декабря еще 1000 человек. Но эти партии ни в Орел, ни в Брянск, куда губернатором была отправлена из Орла одежда для них, так и не приехали. В связи с этим Герздорф обратился к губернаторам тех губерний через которые должны были следовать потенциальные легионеры, с просьбой об оказании им в пути помощи. Завершая свой рапорт, Герздорф спрашивал у Кутузова дальнейших указаний²⁷.

В тот же день Герздорф отправил рапорт и Горчакову. Как ясно из него, при себе Герздорф имел два высочайших повеления о легионах (от 8 ноября и 24 декабря), а также предписание Кутузова о выплате нижним чинам по 1 руб. ассигнациями в месяц с правом требования этих денег из казенной палаты. Порционные деньги Герздорф должен был платить еженедельно, а жалование «в установленное время». Все же дальнейшие сведения ему предстояло получить у орловского губернатора. Отметив также, что отправленные из Главной квартиры две партии до Орла не дошли, Герздорф сообщил Горчакову подробности о трех первых офицерах легиона. По сведениям, полученным губернатором от Коновницына, капитаны французской службы Траутманн и Геппель (в других документах Генель), а также капитан долматской службы Джинни были приняты в российскую службу по высочайшему повелению и определены в орловские «легионы». Траутманн и Джинни уже прибыли в Орел, а в виленском госпитале находился Геппель²⁸. В конце рапорта Герздорф излагал ряд проблем, с которыми столкнулся. Во-первых, он спрашивал, какую сумму следует назначить для дневного продовольствия офицерам, поскольку при поступлении в легион они не имеют никакой собственности, а жалование предписано требовать «в установленное время». Не знал Герздорф и того, какой следовало носить офицерам-легионерам мундир. Для оплаты своего обмундирования генерал предлагал выплатить им вперед «взачет» третное жалование. Сомневался Герздорф и в том, следует ли требовать для нижних чинов оружейные, ременные и прочие вещи немедленно или ждать, пока соберется значительное число бывших пленников. Среди поступивших в легион не было ни одного портного или сапожника, поэтому Герздорф предполагал использовать для пошива одежды и обуви мастеровых из внутренней стражи²⁹.

К январю 1813 г. относится и решение о присоединении к орловским «легионам» отряда подполковника В.И. Дибича, завербованного им из дезертиров, пленных немцев, а также включавшего незначительное количество российских войск³⁰. Впрочем, это решение осталось, как показали дальнейшие события, лишь на бумаге.

Пока Герздорф ехал в Орел и разбирался в делах, из внутренних губерний во исполнение предписания, изложенного в отношении Коновницына к губернаторам от 5 декабря, продолжали отправляться

пленные, пожелавшие вступить в орловские «легионы». Так, из Нижегородской губернии с отношением от 26 февраля 1813 г. в Орел были отправлены 10 нижних чинов³¹. Среди них два итальянца, один голландец и семь французов, причем некоторые хотели вступить в казацкие полки³².

О том, с какими трудностями сталкивались власти при вербовке пленных в легионы, свидетельствует рапорт воронежского губернатора Коновницыну от 7 января 1813 г. На момент получения отношения Коновницына в Воронеже, через который пленные двигались на Саратов, находилась только одна партия. Исправник через переводчика предложил пленникам вступить в легионы. Французы отказались все, зато согласились два голландца (поручик Веселенко (так!) и унтер-офицер лейб-гвардии Менестрей) и итальянец (рядовой Вержен Морани). Однако все они поставили условием перехода на русскую службу по вышнему чину. Первый хотел стать капитаном, второй - офицером, а третий по болезни желал служить «в способном месте». Воронежский губернатор считал, однако, их требования «несообразными» и, недолго думая, отправил их вместе со всеми остальными в Саратов³³.

Особо следует остановиться на истории партий, отправленных из Главной квартиры Ставраковым. Уже 4 декабря, накануне отправки губернатором отношения Коновницына, Ставраков сообщил коменданту Орши об отправке с поручиком Фоминым 2000 человек нижних чинов в Орел. Кроме того, предполагалось отправить еще три такие же партии: 5 декабря с штабс-капитаном Куракиным, 6 декабря с капитаном Гильденгофом (по другим бумагам Гильдендорфом) и 7 декабря с штабс-капитаном Головиным. Вслед за ними планировалось отправить с прапорщиком бароном Паленом партию из более чем 200 офицеров³⁴. Из предписания Ставракова коменданту в Орше от 9 декабря видно, что первая партия (Фомина) вышла в путь 5 декабря, а вторая (Куракина) только 7 декабря и состояла лишь из 1000 человек³⁵. Именно эти партии имел в виду Кутузов в рапорте Александру I от 8 декабря. И только 14 декабря Ставраков отправил в Оршу третью партию (Гильденгофа) численностью 700 человек³⁶. Сведений об отправке партии офицеров нет.

Судьба всех этих отправленных пленных была трагична. Из при бывшей 9 января в Оршу партии Фомина по дороге умерло 1817 человек, еще 23 умерли в самом городе, оставшиеся 160 были помещены по болезни в госпиталиях. Из партии Куракина 13 января пришли в Оршу только 412 человек, 184 из них оставлены в местных госпиталиях, а 228 отправлены 15 января с поручиком Васильевым в Орел³⁷. Из них по дороге умерло 24 человека, 56 остались в пути в госпиталиях и 148 добрались 1 марта до места назначения³⁸. Партия Гильденгофа пришла в Оршу 23 января, потеряв умершими на марше 357 человек и оставив в госпиталиях 261 человека. Из 82 добравшихся шестеро умерло на месте и 20 человек были помещены в госпиталь. Из партии Головина, насчитывавшей 550 человек, 50 так и остались по болезни в Вильне, на марше умерло 314, еще 60 было оставлено в попутных госпиталиях, а 136 человек 27 января прибыли в Оршу. Из них семь человек там и умерли, а 43 оставлены в местном госпитале. Остатки третьей (44 человека) и четвертой (67 человек) партий были объединены и с прапорщиком Лебедевым отправлены 30 января в Орел, куда и прибыли 3 марта³⁹. Препровождение пленных в Орел происходило вопреки решению Комитета министров от 17 декабря и основанному на нем предписанию управляющего Министерством полиции и главнокомандующего в Петербурге С.К. Вязмитинова от 24 декабря, которыми было приостановлено передвижение пленных по империи. Однако для военных властей, например для коменданта в Орше, предписания Главной квартиры, очевидно, были более значимы, чем решения гражданских учреждений. Отношение Коновницына губернаторам со ссылкой на волю Кутузова также специально отменено не было. К тому же существовал императорский указ от 3 января на имя

Горчакова о формировании легионов, принятый уже после приостановки движения пленных и противоречивший этому решению.

Контингент, отправляемый из Главной квартиры в Орел, был чрезвычайно пестрым в национальном отношении, что расходилось с декартируемыми принципами формирования легионов. В условиях гуманитарной катастрофы, разразившейся в декабре в Вильне, военные власти, скорее всего, были не в состоянии осуществлять «разбор» плененных по национальностям или по службе, а были в первую очередь заинтересованы в том, чтобы избавиться хотя бы от их части. Из 183 человек, дошедших до Орши с Фоминым, 68 были французами, четверо хорватами, 17 итальянцами, четверо вестфальцами, девять баварцами, один вюртембержец, 18 голландцами, трое саксонцами, 43 поляками, пятеро швейцарцами и 11 испанцами. Из 412 человек, которых привел Куракин, было 114 французов, 10 хорватов, 21 итальянец, три голландца, 79 немцев, 136 поляков, два серба и 47 испанцев. В числе прибывших с Гильденгофом 82 человек - 15 французов, 10 хорватов, четверо итальянцев, по двое вестфальцев, баварцев, баденцев, голландцев, австрийцев и пруссаков, а также 29 поляков и 12 испанцев. И наконец, Головин привел в Оршу 23 француза, 30 хорватов, семерых итальянцев, 14 баварцев, двух вюртембержцев, трех голландцев, 13 немцев, 10 пруссаков, 13 поляков, двух швейцарцев и 19 испанцев - всего 136 человек⁴⁰. Стоит отметить, что испанцев из двух последних партий не отправили в Орел, а оставили в Орше для дальнейшего препровождения в Петербург. Такая разнородность национального состава будущих легионеров вызывала в Орле некоторое недоумение. Поскольку в числе 148 человек, приведенных Васильевым (остатки партии Куракина), было 26 французов, 26 немцев, 58 поляков, 25 испанцев, шесть итальянцев и семь хорватов⁴¹, принявший их гражданский губернатор приказал передать Герцдорфу только французов, итальянцев и голландцев (которых не было) и резонно задавался вопросом, нет ли каких-нибудь распоряжений о принятии в легион и представителей других наций⁴². Появление в рядах желающих вступить в легион немцев, очевидно, действительно объясняется их антинаполеоновскими настроениями. Поляки же, по-видимому, таким способом желали уклониться от отправки на службу в Сибирь и на Кавказ; основанием их зачисления в легион была также служба во французских частях. И общим мотивом для представителей всех наций было желание улучшить свое положение. Это подтверждается и слухами, распространившимися в Вильне, о существенных денежных выплатах, обещанных при вступлении в легион, о чем речь пойдет ниже.

Теперь остановимся на изменении численности легионеров в Орле и их материальном положении в первые месяцы 1813 г. В январе, как уже видно из приведенного рапорта Герцдорфа, оно было крайне низким. Расходные книги свидетельствуют, что 25 января капитану Траутманну выдавались деньги только на 12 нижних чинов (из расчета по 25 коп. в неделю каждому). Столько же получил Траутманн и 30 января⁴³. Сам Траутманн получал жалование с 19 декабря, а капитан Джинни с 21 декабря. Первый с 1 января за 12 дней получил 13 руб. 53 коп., а второй за 10 дней - 11 руб. 27 коп. За январь же они оба получили жалование по 33 руб. 84 коп.⁴⁴ Кроме того, 25 января подпоручикам Ван-Эльдену, Кайдаци и прапорщику Рейсу были выплачены деньги за период с 23 января по 1 февраля из расчета 50 коп. в сутки⁴⁵. Очевидно, на тот момент они не были еще зачислены в легион (в ведомости от 28 января они не значатся) и получали содержание на правах пленных. На тех же основаниях производились выплаты этим трем офицерам и в феврале, и в марте⁴⁶. Из записи 7 февраля о выплатах Траутманном как старшим в чине недельного жалования нижним чинов (по 25 коп. каждому) ясно, что их в легионе реально «служило» уже 16. Позднее, 16 и 23 февраля, осуществлялись выдачи на 17 нижних чинов⁴⁷, а 1 марта - на 18⁴⁸. И лишь с начала марта легион стал интенсивно пополняться за счет пришедших из Вильно команд.

Пока потенциальные легионеры умирали по пути в Орел, Военное министерство занялось со своей стороны организацией финансирования легионов. В соответствии с предписанием Горчакова от 12 января, 17 января

1813 г. Комиссариатский департамент препроводил к нему примерный штат легионов на 10 тыс. человек и смету расходов, исходя из штатов мушкетерских пехотных полков⁴⁹.

Легионы должны были составить три полка, три батальона и две роты общей численностью в 10 088 человек, которым придавались 596 лошадей. Сюда входили 9184 строевых чина (24 штаб-офицера, 224 обер-офицера, 500 унтер-офицеров, 186 музыкантов, 8250 рядовых) и 904 нестроевых (в том числе 18 в обер-офицерских чинах, 51 унтер-офицер и 370 денщиков)⁵⁰. На жалование, мясную и винную порцию (с учетом назначенного рубля в месяц ассигнациями на нижнего чина) в год приходилось 305 774 руб. На обмундирование нижних чинов и на инструмент без упряжи полагалось 534 842 руб. 45 % коп. (сюда же входила стоимость обоза, барабанов, кремней, темляков и т. п.). Шитье же мундирных вещей за счет комиссариата оценивалось еще в 26 481 руб. 79 коп. Итого 867 098 руб. 24 % коп. В случае же вооружения легионов, для них предстояло заготовить 8000 ружей и 8437 тесаков. Кроме того, для снабжения 9822 нижних чинов провиантом требовалось в год 29 466 чет вертей муки и 2762 четверти 3 четверика и 4 гарца круп, а на 8 месяцев для подъемных лошадей нужно было 4768 четвертей овса и 71 520 пудов се на⁵¹. При цене 13 руб. 48 ⁴/₉ коп. за четверть муки и 17 руб. 80 ³/₁₀ коп. за чет верть крупы⁵² сумма на продовольствие легионов составила бы в год около 447 тыс. руб. Впрочем, Провиантский департамент уточнил сумму расходов на продовольствие, увеличив ее до 454 604 руб. 26 ¹/₃ коп.⁵³

Что же касается стоимости обмундирования без шитья на одного строевого нижнего чина (серое сукно для шинелей с погонами, фуражка, кафтан, панталоны, галстук, цветное сукно на воротник к шинели и мундиру, рубашки, сапоги, фляжка, ранец), то она составляла 35 руб. 90 ³/₄ коп.⁵⁴

С точки зрения материального положения при переходе из пленных в легион существенный выигрыш получали только офицеры. Так, пленный полковник и подполковник получали 1 руб. 50 коп. в сутки. На российской же службе полковник пехотного полка (и соответственно легиона) получал 1040 руб. в год (836 руб. оклад и 204 руб. рационы), т. е. в среднем 2 руб. 84 коп. в сутки. Подполковник на службе получал 690 руб. (558 руб. оклад и 132 руб. рационы) - в среднем в сутки 1 руб. 89 коп. Пленный майор получал 1 руб. в сутки, при переходе на службу его жалование составляло 530 руб. в год (434 руб. оклад и 96 руб. рационы), - 1 руб. 45 коп. в сутки. Однако в любом случае при переходе на российскую службу майор терял в ста тусе, поскольку во французской армии чин майора был выше подполковника (шефа батальона). Пленный обер-офицер получал 50 коп. в сутки. Штабс-капитан и капитан пехотного полка получали по 400 руб. (340 и 60 руб.) - в среднем 1 руб. 09 коп. в сутки. Поручик - 285 руб. (237 и 48 руб.), а в среднем 78 коп. в сутки, а подпоручики и прапорщики - 236 руб. (200 и 36 руб.), т. е. 65 коп. в сутки. Нижние же чины особых материальных выгод не приобретали. Пленники получали по 5 коп. в сутки и солдатский провиант, служившие же в русской армии нижние чины в год, помимо солдатского пайка, получали 9 руб. 50 коп. (рядовые), 10 руб. (гренадеры и стрелки) и 14 руб. (младшие унтер-офицеры), т. е. соответственно 2,6, 2,7 и 3,8 коп. в сутки. Прибавленные легионерам 12 руб. в год составляли 3,2 коп. в сутки, что вместе с основным окладом насчитывало 5,8, 5,9 и 7 коп. в сутки соответственно⁵⁵. Что касается фактических выплат офицерам легионов, то, как видно из приведенных выше данных о выплатах за январь, а также из выплат за январскую и майскую трети (капитану 135 руб. 36 ¹/₂ коп., поручику 95 руб. 45 % коп., подпоручику 79 руб. 43 ¹/₄ коп.), они соответствовали установленным нормам⁵⁶. Выплаты же нижним чинам за январь-февраль, как следует из сказанного выше, составляли 3 % коп. в сутки, т. е. существенно ниже, чем полагалось. Однако к этому времени причитавшееся им жалование выплачивалось уже в полном объеме⁵⁷.

25 января Горчаков направил записку в Комитет министров, где, ссылаясь на высочайший указ от 3 января, просил ассигновать на легионы от Министерства финансов деньги. На жалование легионерам Горчаков

просил 187 946 руб., на порции - 117 828 руб (в сумме 305 774 руб.), на провиант 454 604 руб. 26 коп. - все в соответствии с предварительными расчетами. А вот на обмундирование сумма сократилась до 374 054 руб. 52 коп. Общая же сумма ассигнований, просимых на 1813 г., составляла 1 134 432 руб. 78 коп. Причем управляющий Военным министерством просил выделить «вдруг» только 374 054 руб. 52 коп. (т.е. на обмундирование), а остальные отпускать в начале каждой трети года⁵⁸. Вероятно, уменьшение требований было обусловлено тем, что по указу от 3 января обоз и оружие, а следовательно, и часть амуниции и инструмент легионам временно не назначались. Комитет на заседании 31 января рассмотрел вопрос и решил отпускать финансы в пределах требуемой суммы из Государственного казначейства «когда и сколько потребно будет»⁵⁹. Опираясь на это решение, Горчаков обратился 13 февраля к Д.А. Гурьеву с просьбой отпустить помимо полной суммы на обмундирование еще и деньги на январскую треть: 62 648 руб. 66 ²/₃ коп. на жалование, 39 276 руб. на порцию нижним чинам и 151 534 руб. 75 ¹/₃ коп. на провиант - всего 627 513 руб. 94 коп.⁶⁰

Пока центральные власти решали вопрос о финансировании 10-тысячных легионов, которые только еще предстояло создать, командование в Орле сталкивалось с серьезными проблемами в обмундировании и содержании тех немногих легионеров, которые добрались к тому времени в этот губернский город. 3 февраля Герздорф отправляет в Военное министерство два рапорта. В одном из них (№55) он сообщал, что по неимению на людей одежды он отнесся (в тот же день) к генерал-кригс-комиссару Татищеву и просил его дать предписание о доставке в Орел мундирных и годовых вещей. До получения же этих вещей Герздорф считал необходимым снабдить легионеров рубашками, шинелями и обувью и спрашивал Горчакова, откуда следует брать эти вещи или деньги на них, поскольку Орловская казенная палата не имела предписания относительно подобных расходов. В заключение Герздорф просил сообщить ему формы для записи прихода и расхода денег и вещей⁶¹.

Получив требование Герздорфа, Татищев сообщил 11 февраля о нем и о предпринятых действиях Горчакову. Он предписал, чтобы Московская комиссариатская комиссия на первый случай как можно скорее направила в Орел все необходимые вещи на 1000 человек, как того и просил Герздорф, который, как видно, не очень верил в скорое прибытие отправленных из Главной квартиры 3000 человек, хотя и писал об этом Татищеву. В Орле следовало отправить крестьянское сукно на шинели, мундиры и панталоны, подкладочный холст и желтое сукно на воротники к мундирам, а также годовые вещи и «на что следует деньги по положению пехотного полка»⁶². Однако, как сообщал генерал-кригс-комиссар Горчакову 1 апреля 1813 г., мундирные и годовые вещи на 1000 человек были отправлены к месту дислокации легиона только 5 марта, т.е. почти через месяц после предписания, данного Московской комиссариатской комиссии⁶³.

3 февраля датирован еще один рапорт (№ 57) Герздорфа Горчакову, касающийся офицеров легиона. Согласно рапорту, капитаны Траутманн, Джинни и отставные австрийской службы подпоручик Кайдачи и прапорщик Рейс, об определении которых в легион уже сообщалось ранее Горчакову, «состоят необмундированными и не имеют на свое собственной суммы». Герздорф просил о предписании казенной фабрике выслать на них, а также на нескольких вновь прибывающих офицеров необходимые материалы и вещи (всего на 15 человек), а на пошив и покупку недостающих вещей выдать деньги, «ибо офицеры уже при взятии в плен победы телами остались в худом положении и почти без одежды». Издержанную же на обмундирование сумму Герздорф предлагал постепенно вычитать из жалования офицеров⁶⁴. В ведомости вещей, которые Герздорф просил вытребовать с казенной фабрики, значится темно-зеленое сукно на мундир и панталоны, белое сукно на панталоны, серое на рейтузы и шинель, красное на прибор, а также шарфы, темляки, этишкетты, репейки, эполе ты. Купить же предполагалось кивер, две пары сапог, белье, шпагу, две портупей, а также ранец и медный знак⁶⁵.

Этот рапорт (видимо, вместе с рапортом №55) был получен 20 февраля. А 24 февраля Горчаков направил Герцдорфу предписание, являющееся формально ответом на его рапорт от 28 января. Оружейные и амуничные вещи для легионеров, считал Горчаков, требовать не следовало, поскольку на снабжение ими не было высочайшего по велению. (Таким образом Герцдорф, очевидно, впервые узнал о новеллах в законодательстве о легионах, отраженных в указе от 3 января, поскольку более ранних следов знакомства Герцдорфа с этим указом по документам не прослеживается.) Далее Горчаков сообщал, что мундирные и годовые вещи на основании высочайшего повеления будут по распоряжению генерал-кригс-комиссара свезены в Орел. (Этот пункт можно рассматривать и как частичный ответ на рапорт № 55 от 3 февраля.) В случае, если среди пленных не найдется знающих портное и сапожное мастерство, то для изготовления одежды и обуви можно было требовать мастеровых у командира орловского гарнизонного батальона. Офицеров разрешалось снабдить третним жаловани ем вперед, вычитая его в течение года, на что, как и на порции нижним чинам Комиссариатский департамент вскоре должен был прислать до статочную сумму. О мундирах для офицеров управляющий Военным министерством обещал дать особое предписание⁶⁶.

На рапорт же Герцдорфа № 55 от 3 февраля Горчаков непосредственно отреагировал только 1 апреля. Он выражал надежду, что необходимые вещи уже доставлены из Москвы и, «следовательно, миновалась теперь необходимость в деньгах на местное изготовление» для нижних чинов рубах, шинелей и обуви. Горчаков сообщал также о своем предписании Комиссариатскому и Провиантскому департаментам о присылке в Орел надлежащих форм отчетности⁶⁷. Предписания эти также датированы 1 апреля 1813 г.⁶⁸, хотя впервые указания о присылке таких документов были даны департаментам еще 12 марта⁶⁹.

Впрочем, несмотря на задержку с формальным ответом, Военное министерство продолжало в течение марта предпринимать меры по организации снабжения легионов. В частности, Горчаков составил докладную записку императору по этому вопросу. В ней он испрашивал повеления, какой мундир следует носить офицерам легионов, какую сумму им следует ежедневно выплачивать до получения первой трети жалования (на нее им предстояло еще и обмундироваться), а так же уточнял, нужно ли требовать оружейные и амуничные деньги для нижних чинов. Ставя перед верховной властью эти вопросы, он вместе с тем информировал царя о своем предписании, отправленном Герцдорфу 24 февраля, где часть проблем была предварительно решена, предлагая, таким образом, утвердить или скорректировать его. Из пунктов, предписанных Герцдорфу, управляющий Военным министерством не сообщил царю только о привлечении к пошиву одежды и обуви чинов орловского гарнизонного батальона, сочтя, видимо, что этот вопрос он может вполне решить самостоятельно. Вместе с тем Горчаков предлагал утвердить для офицеров-легионеров синий мундир обыкновенного покроя с воротниками и обшлагами такого цвета, который назначен для нижних чинов легиона, к которому они будут причислены. Записка эта была высочайше утверждена 12 марта 1813 г.⁷⁰

Опираясь на нее, Горчаков предписал 31 марта 1813 г. Татищеву отправить к Герцдорфу 45 аршин синего, 112 аршин 86 вершков серого и 7 аршин 8 вершков приборного сукна с тем, чтобы деньги за это сукно удерживались «по установленной цене» из жалования офицеров⁷¹. Количество сукна в точности соответствовало требованию Герцдорфа от 3 февраля на обмундирование 15 офицеров⁷², в соответствии с императорским повелением был изменен только цвет - с темно-зеленого на синий. В тот же день высочайшую волю о мундирах офицеров для легионов Горчаков сообщил и Герцдорфу⁷³.

4 марта управляющему Военным министерством пришлось вновь обратиться к министру финансов, поскольку деньги на орловские «легионы», о выделении которых просил Горчаков еще 13 февраля, так и не были ассигнованы. Указывая на необходимость исполнения решения

Комитета министров, Горчаков обращал внимание на тяжелое материальное положение легионеров, в первую очередь офицеров⁷⁴. 8 марта Гурьев сообщил Горчакову, что отдал распоряжение Санкт-Петербургскому остаточному казначейству об отпуске 1 083 033 руб. 94 коп., из которых, как и просил Горчаков 13 февраля, 627 513 руб. 94 коп. предназначались на организацию орловских «легионов»⁷⁵. 12 марта Горчаков просил остаточное казначейство перечислить эти деньги примерно в равных пропорциях Провиантскому (48,3%) и Ко миссариатскому (51,7 %) департаментам⁷⁶. Конечно, вся указанная сумма была несоразмерно велика по сравнению с предстоящими реальными расходами. Гурьев, чьей задачей была экономия средств, не спешил выделять их сразу же после решения Комитета министров, в димо, дожидаясь дополнительных требований от Военного министерства. Горчаков же не мог не понимать из донесений Герцдорфа, что даже с учетом отправленных из Вильно пленных, численность легионов едва ли в ближайшее время могла достигнуть половины от той, на которую были ассигнованы деньги, но, очевидно, был заинтересован в создании в своем министерстве финансового резерва. Поэтому он в тот же день предписал Комиссариатскому департаменту, приняв деньги, отправить Герцдорфу только 25 000 руб. на выплату порционных и выдачу вперед третнего жалования тем офицерам, кому командование на месте сочтет нужным. Особо Горчаков подчеркивал, что в связи с высочайшим повелением на оружейные вещи, лагерь, инструменты и обоз деньги не отпущены⁷⁷. Аналогичное предписание о приеме денег 12 марта получил от Горчакова и Провиантский департамент⁷⁸. Деньги были отпущены из казначейства департаментам 14 и 15 марта⁷⁹.

Выделение этих средств оказалось как нельзя более кстати, поскольку именно в марте 1813 г. неожиданно возникли трудности со снабжением орловских «легионов» деньгами. На требования Герцдорфа Орловская казенная палата ответила 11 марта, что получено предписание министра финансов, запрещающее выдавать деньги воинским чиновникам на срочные надобности без прямого предписания самого министра или экспедиции государственных доходов. А поскольку необходимые суммы из провиантского ведомства еще получены не были, отказ казенной палаты поставил Герцдорфа в затруднительное положение, и ему пришлось покрывать указанные издержки из комиссариатских сумм⁸⁰.

О неожиданно возникшей проблеме свидетельствует рапорт Герцдорфа управляющему Военным министерством от 2 апреля, согласно которому прибывающие из Вильно офицеры заявляли, будто тамошний генерал-губернатор А. М. Римский-Корсаков обещал, что в Орле они получат по 500 руб. на экипировку. Офицеры требовали исполнения этого обещания от Герцдорфа, а также «объявляли, что они жалование должны получать... противу немецких легионов, в Санкт-Петербурге формирующихся». У Герцдорфа же на это не было ни денег, ни предписаний. В том же рапорте генерал сообщал, что ассигнованного вперед третнего жалования «по существующей в городе Орле сукнам и прочему непомерной дороговизне» будет для офицеров «весьма недостаточно», «ибо всякий офицер победителями оставлен в очень худом положении, так что редкого из них и за офицера признать можно». В связи с этим Герцдорф предлагал испросить у императора «сим несчастным офицерам» еще какое-либо вспомоществование либо поставлять все необходимые вещи (сукно, подбой, шарфы, темляки и проч.) с казенной фабрики (видимо, за счет казны)⁸¹. Таким образом, проблема одежды офицеров к апрелю цен трализованно решена не была - ведь предписание об отправке сукна на первых 15 человек было сделано Горчаковым только за два дня до этого донесения Герцдорфа. И до исполнения его было еще далеко.

Получив этот рапорт, Горчаков 27 апреля запросил Римского-Корсакова, не имеет ли он особого высочайшего повеления о денежном довольствии орловских легионеров⁸². На что Виленский генерал-губернатор 4 мая от ветил: 500 рублей пленникам он никогда не давал «и обещания им на то не делал»⁸³. Ответ Римского-Корсакова 19 мая Горчаков передал в Орел⁸⁴.

В тот же день, 27 апреля, Горчаков подтвердил Герцдорфу, что сукно на офицерские мундиры будет доставлено генерал-кригс-комиссаром с вычетом за него по частям денег из жалования и что само жало вание Герцдорф может приказать производить вперед. «Более сего, - заключал управляющий министерством, - я не в праве назначить им никакого вспомоществования». И в качестве меры по сокращению расходов предлагал повременить со снабжением офицеров шарфами и прочими фрунтовыми приборами, потому что «и нижние чины снабжаются только одеянием, а вещи, при отправлении строевой службы потребные, не назначаются им»⁸⁵. Таким образом, Горчаков действовал в русле решений императора, приказавшего (вероятно, по экономическим соображениям, а может быть, и помня о буйном поведении отряда Дибича) не снабжать легионы оружием, в результате чего они могли стать реальной воинской частью лишь в неопределенном будущем и выполняли функцию политической декорации.

Напротив, Герцдорф желал создать из них воинскую часть со всеми ее атрибутами. Возможностей для этого у него было не много, и реализовывал он свои устремления, главным образом, заботясь о правильной униформе легионеров. В связи с этим 14 апреля он направил Горчакову три рапорта. В первом он просил об отпуске сукна на мундиры и панталоны и т.п. уже для 30 офицеров (число их увеличивалось, а первый заказ так и не был выполнен). Во втором спрашивал, какие должны быть эполеты на офицерских мундирах, какого цвета подбой, а также просил доставить соответствующие образцы. В третьем сообщал, что «для лучшего вида мундиров нижних чинов» он приказал делать в фалдах белую выпушку, и спрашивал, должны ли быть на них погоны по штату пехотных полков и какого цвета (в ожидании ответа им было предписано шить мундиры без погон). Наконец, он задавал Горчакову вопрос, «как должны именоваться» формируемые в Орле и Витебске легионы⁸⁶.

15 мая Горчаков ответил сразу на все три рапорта. Он сообщил, что батальоны, порученные Герцдорфу, должны именоваться по номерам, оформив таким образом структуру легионов. Погоны для нижних чинов было предписано делать одинакового с мундирами, т.е. серого цвета. Подбой у офицерских мундиров, по мнению Горчакова, может быть синим, а решение об эполетах он отложил на более поздний срок. Кроме того, управляющий Военным министерством сообщил о данном Комиссариатскому департаменту предписании отправить в Орел необходимое для 30 офицеров количество сукна⁸⁷. И хотя действительно 15 мая соответствующая бумага в Комиссариатский департамент была направлена, полной информации о последних предписаниях Горчакова там не имели, поскольку 24 мая послали в общую канцелярию вопрос о подбое и эполетах для офицеров легионов⁸⁸.

Снабжение офицеров мундирами непомерно затягивалось. Лишь 11 апреля Комиссариатский департамент предписал комиссионеру Яковлеву переслать Герцдорфу через почту сукно, которое тот требовал еще 3 февраля⁸⁹. Наконец 12 мая Яковлев сообщил в департамент, что синее и серое сукно отправлено в Орел частями 24 апреля, 1 и 8 мая⁹⁰. Однако в министерстве к этому времени уже было требование Герцдорфа от 14 апреля (он сообщил его в тот же день также Татищеву и еще раз подтвердил 21 апреля⁹¹), отражавшее возросшие потребности в связи с увеличением числа офицеров легиона. В связи с этим 14 мая Татищев сообщал Горчакову, что разница между первым и вторым «заказами» Герцдорфа составляет 45 аршин серого и 77 аршин синего сукна⁹². И 26 мая Комиссариатский департамент предписал Яковлеву в соответствии с приказом Горчакова отправить недостающее сукно в Орел⁹³. А 15 мая тот же департамент предписал смотрителю казенной фабрики офицерских вещей отправить в Орел 30 шарфов и темляков⁹⁴. Комиссариатский департамент 3 июня информировал начальника легиона о сделанных распоряжениях по поводу отправки темляков, шарфов и недостающего сукна, но сообщил, что желтого приборного сукна, которого требовал Герцдорф, не имеется⁹⁵. Шарфы же и темляки были отправлены в Орел только 16 июня⁹⁶. Чтобы оценить

оперативность и эффективность военного администрирования, здесь еще раз следует напомнить, что еще 27 апреля Горчаков советовал Герцдорфу в связи с финансовыми затруднениями (и это несмотря на отпущенную гигантскую по сравнению с реальным размером легиона сумму) временно воздержаться от снабжения офицеров-легионеров шарфами и темляками. 8, 12 и 16 июня Яковлев отправил частями в Орел еще 45 аршин синего сукна⁹⁷. Последнюю же партию (77 аршин серого сукна) в Орле получили только 2 июля⁹⁸.

К проблеме со сроками добавилась и проблема качества присланного сукна. 13 мая, получив первые 45 аршин синего сукна, Герцдорф сообщил Горчакову, что оно узкое, и следовательно его хватит только на обмундирование 11, а не 15 человек, как первоначально планировалось⁹⁹. 25 июня, получив вторую партию синего сукна, Герцдорф сообщил в Комиссариатский департамент, что оно съедено молью и кроме того, что все сукно сильно садилось при умочке, а значит, его требовалось больше¹⁰⁰. Испорченное молью сукно Герцдорф вернул, однако по заключению комиссариатских чиновников оно «по рассмотрению в департаменте оказалось без всякого повреждения»¹⁰¹. 28 августа Комиссариатский департамент сообщил об этом командиру орловского гарнизонного батальона, однако легиона в Орле уже не было¹⁰².

С наступлением весны Герцдорф стал заниматься также военной подготовкой легионеров. 14 апреля 1813 г. он доносил Горчакову, что в связи с наступлением весны планировалось начать строевую подготовку нижних чинов. Однако вскоре выяснилось, что офицеры, не знающие русского языка, не могут обучать солдат (видимо, предполагалось, что основным «рабочим» языком легионеров будет русский). В связи с этим Герцдорфу пришлось употребить для обучения легионеров российских офицеров, находящихся на излечении в Орловском военно-временном госпитале¹⁰³. Правда, остается непонятным, как они общались с не знающими русского языка нижними чинами.

Дополнительные трудности создавал строптивый Дибич. Горчаков, получив сведения от Герцдорфа о том, что Дибич не желает формировать свой отряд в соответствии со штатами российского пехотного полка, 14 мая 1813 г. приказал Герцдорфу отправиться лично в Витебск и проинспектировать формирование. На это время формируемые в Орле «легионы» следовало поручить ведению старшего из генералов, откомандированных ему в помощь¹⁰⁴. Однако до Витебска Герцдорф так и не добрался, поскольку заболел и 23 июля умер¹⁰⁵. В июле Дибич получил от Герцдорфа высочайшее повеление, объявленное генерал-адъютантом Волконским, согласно которому со всем своим отрядом должен был отправиться в Орел¹⁰⁶. Но выполнять этот приказ Дибич отказался¹⁰⁷.

Тем временем в Орел продолжали прибывать пленные, желающие вступить в легион. 14 мая Герцдорф рапортовал Горчакову о прибытии из Смоленска и причислении к легиону четырех офицеров: капитана Ф. Зераля (ни в одном из позднейших списков он не значится), капитана Депенаса (в документе Денениссе), поручика Шенгамера (в документе Шен Гомин) и поручика Фромана (в документе Форман)¹⁰⁸.

К 1 июля 1813 г. в Орле было сформировано уже три роты легионеров¹⁰⁹, а к 23 июля - уже четыре¹¹⁰.

Сведения о тяжелом материальном положении офицеров легиона, вероятно, в конце концов дошли до императора. 2 июля начальник Главного штаба П.М. Волконский сообщил Горчакову высочайшее повеление о выдаче офицерам орловского легиона «не взачет» годового жалования. Список из 26 офицеров прилагался¹¹¹. 24 июля Горчаков, получив это повеление, направил в Комиссариатский департамент предписание об его исполнении¹¹². Ходатайство об улучшении положения легионеров, вероятно, восходит к первой половине мая, когда был получен отказ Горчакова, поскольку прибывшие к 14 мая из Смоленска офицеры в списке еще отсутствовали, а более ранний (судя по составу) список офицеров датирован 4 мая¹¹³.

Список офицеров, направленный из Инспекторского департамента в Общую канцелярию Военного министерства, датированный 2 сентября 1813 г., дает некоторое представление о составе «легионов». Помимо фамилий, имен и званий офицеров, в списке указывалось их происхождение, а также время вступления в легион. В этом списке, кроме тех, кто был в «списке Волконского», уже появились прибывшие к 14 мая из Смоленска Депенас, Фроман и Шенгамер. Однако дальнейшие пополнения офицерского корпуса легиона не отражены. Интересен и национальный состав легиона. Из семи капитанов четверо - немцы, в том числе и состоящий за батальонного командира капитан Траутманн; из 14 поручиков трое - немцы, в том числе легионный адъютант Фроман и один австриец; а из восьми подпоручиков немец всего один. В легионе был также уроженец Польши поручик Осип Моравский. В числе офицеров было четыре голландца, пять итальянцев и девять французов. Национальность одного неизвестна¹¹⁴. Анализ национального состава офицеров подтверждает тенденции, выявленные нами при рассмотрении составашедших из Вильны партий нижних чинов. Прежде всего, бросается в глаза наличие среди офицерского состава немцев - наименее лояльных союзников Наполеона, причем в более высоких чинах их процент значительно больше. Офицеры же французского, голландского и итальянского происхождения, особенно в более или менее высоких чинах, как наиболее сознательные и верные присяге, вступали на путь сотрудничества с противником неохотно (среди капитанов, означенных в списке, «природных французов» нет). Формальным же основанием появления немцев и лиц прочих «нештатных» национальностей в легионе может объясняться как тем, что они служили во французских частях, так и недостатком кадров. Из лиц, упомянутых в списке, капитан Плесс так и не прибыл к легиону, находясь в госпитале в Минске, а поручик Шенгамер, как указано, был арестован за кражу и за самовольную отлучку¹¹⁵. Шенгамер (в документе Шингоммей) в конце июля был исключен из легиона и отправлен в распоряжение орловского полицмейстера¹¹⁶. Судя по тому, что анализируемый нами список зафиксировал только факт его ареста, а не исключение, он отправлен из Орла не позднее конца июля.

Дальнейший рост числа офицеров легиона отражен в дополнительном списке, представленном в Военное министерство от 6 августа батальонным командиром орловского легиона капитаном Траутманном. В нем значатся отсутствовавшие в упомянутых прежде списках капитаны Форми и Пинят-тели, поручик Люкс и подпоручики Келлер и Деваренль¹¹⁷. В своем рапорте Траутманн сообщает о полученном через Волконского на имя Герцдорфа повелении относительно дополнительного годового жалования офицерам легиона и просит о разрешении выплатить его и тем, кто не попал в «список Волконского» (в том числе капитану Депенасу и поручику Фроману)¹¹⁸. Согласно еще одному рапорту Траутманна Горчакову, также датированному 6 августа, последние прибывшие в легион пять обер-офицеров находятся «столь в бедном положении, что их за офицеров признать не можно». В связи с этим Траутманн просил об отпуске для них с казенной фабрики сукна на мундир, панталоны, шапку, рейтузы и шинели¹¹⁹.

Получив оба рапорта Траутманна, Горчаков 23 августа предписал Комиссариатскому департаменту произвести не попавшим в «список Волконского» офицерам полагающиеся по высочайшему повелению выплаты из жалования умершего Герцдорфа¹²⁰.

Вместе с тем сведений о фактическом расходовании средств на орловские «легионы» и на отряд Дибича в Военном министерстве не имелось. Еще 13 августа Провиантский департамент сообщал Общей канцелярии министерства о повторном предписании Московской и Витебской комиссариатским комиссиям предоставить соответствующие данные¹²¹.

Судя по персональному списку офицеров от 1 августа, составленному в связи с выплатой третьего жалования, в легионе было 33 офицера (с учетом исключенного Шенгамера), но в нем не учтен поручик Люкс, прибывший чуть позднее¹²². Десятидневные рапорты, отражающие незначительные

колебания в составе «легионов», дают немного другую картину. На 13 июля там числилось 28 офицеров, 38 унтер-офицеров, восемь музыкантов, 324 рядовых и три нестроевых. Из них в госпиталях (минском, мстиславльском, рославльском и орловском) находились один обер-офицер, один унтер-офицер, восемь музыкантов и 29 рядовых¹²³. К 3 августа было 28 обер-офицеров, 39 унтер-офицеров, девять музыкантов, 323 рядовых и четыре нестроевых, из которых один обер-офицер, один унтер-офицер и 31 нижний чин были в госпиталях¹²⁴. О внутренней дисциплине этого небольшого воинского контингента говорит то, что за июль 12 унтер-офицеров (почти треть(!), причем пятеро из них поляки) были разжалованы в рядовые, и на их место произведены новые лица из рядовых (трое тоже поляки)¹²⁵.

Наконец орловским «легионам» и (равно как и организационно присоединенному к ним отряду Дибича, находившемуся в Витебске) было предписано передислоцироваться ближе к границам и войти в состав Резервной армии под командованием князя Д.И. Лобанова-Ростовского. Об этом мы узнаем из ведомости о местонахождении частей российской армии, составленной в Военном министерстве 21 сентября¹²⁶. Однако точной даты издания соответствующего приказа установить не удалось. Впрочем, он, вероятно, появился в августе, поскольку, как уже говорилось выше, министерские чиновники к 28 августа уже считали легион из Орла ушедшим¹²⁷.

Исполнялось предписание о передислокации крайне медленно. Лобанов-Ростовский рапортом от 29 сентября 1813 г. доносил императору из Варшавы, что ни орловский, ни витебский легионы в его распоряжение пока не прибыли и достаточной информации о них не имеется¹²⁸. Об орловском легионе Лобанов-Ростовский «слышал» только, что его солдаты и офицеры нуждаются в одежде и обуви и «дальнего послушания не оказывают». Поэтому Главнокомандующий приказал подчинить оба отряда одному начальнику - генерал-майору Отто¹²⁹.

Согласно данным капитана орловского внутреннего гарнизонного батальона О니кова (он во главе 1-го батальона орловских «легионов» вышел из Орла и двигался к западной границе), приведенным в рапорте Лобанова-Ростовского от 3 октября 1813 г., в его батальоне состояло по списку 33 обер-офицера, 39 унтер-офицеров, 10 музыкантов, 320 рядовых и четверо нестроевых. Из них в госпиталях находились два обер-офицера, два унтер-офицера и девять рядовых. Остальные находились на марше, в том числе 13 человек, арестованных за побег и семь человек за непослушание, один рядовой бежал. К батальону были прикомандированы для их обучения два обер-офицера и пять унтеров. Конвойная команда, сопровождавшая легионеров, состояла из унтер-офицера и 60 рядовых¹³⁰.

В рапорте императору от 29 октября 1813 г. Лобанов-Ростовский сообщил новые сведения, полученные от Оникова. Оказывается, 9 октября капитан 1-й гренадерской роты этого батальона Траутманн донес, что несколько офицеров легиона сообщили ему, будто Фроман готовит заговор и склоняет нижних чинов к бунту с целью освободиться от русской службы «с покушением на жизнь, если бы кто тому воспрепятствовал». В результате Оников арестовал Фромана и отдал под стражу. «Послабление в подобных случаях не находит места, тем более что корень неповиновения давно уже обнаруживается и, по невниманию к нему с самого начала, усиливается», - писал Лобанов-Ростовский, и в подтверждение своих слов приводил случай неповиновения в отряде Дибича. Сделав вывод о бесполезности легионов в отношении военном и о вреде, который они могут нанести в отношении политическом, главнокомандующий Резервной армией, видимо зная, что император был сторонником привлечения пленных на российскую военную службу, и поэтому не решаясь высказываться категорично, недвусмысленно подводил императора к мысли о ликвидации легионов вообще¹³¹.

Вероятно, этот рапорт, а возможно, и какие-то дополнительные сведения и соображения подтолкнули Александра I к решению. 14 декабря 1813 г. Аракчеев объявил Лобанову-Ростовскому высочайшую волю: «.

.исключая из легионов всех германцев, владельцы коих соделались союзниками нашими, и дав им паспорта, отпустить каждого в свое отечество, а остальных обратить в Россию на общем праве военнопленных»¹³².

Однако не все желающие попасть в легион добрались до него. 28 декабря 1813 г. начальник 4-го округа внутренней стражи Дистрело сообщил, что командир орловского гарнизонного батальона донес о при сланных от казанского коменданта шести итальянских нижних чинов, принявших присягу и изъявивших желание вступить в военную службу. Но поскольку орловское рекрутское депо было уже ликвидировано, а легион давно покинул Орел, итальянцы были приписаны к гарнизонному батальону¹³³. Горчаков 31 января 1814 г. предложил определить помянутых пленных в службу «по их желанию». Желание выдало истинные намерения итальянцев, стремившихся максимально облегчить свою судьбу - как сообщил в апреле 1814 г. Дистрело, пленники хотели служить в петербургском гарнизонном батальоне¹³⁴. В результате 24 мая управляющий Военным министерством приказал в соответствии с высочайшей волей и циркулярным предписанием управляющего Министерством полиции от 13 мая отправить итальянцев в отечество¹³⁵.

Проект создания воинских частей из военнопленных французов, итальянцев и голландцев потерпел неудачу. Вместо предполагаемых легионов в 10 тыс. человек удалось сформировать лишь небольшой отряд. Тысячи пленных, отправленных из Главной квартиры, которые должны были сражаться против Наполеона, до Орла так и не дошли, погибнув на просторах России. Отправка пленных в Орел, начавшаяся 5 декабря, продолжалась несмотря на решение о прекращении препровождения пленных. Действия военных и гражданских властей оказались не согласованными. На местном же уровне, особенно для военных, ссылки на приказы, исходящие из Главной квартиры, оказывались, конечно, авторитетнее, чем на предписание главнокомандующего в Петербурге Вязмитинова от 24 декабря, основанное на решении Комитета министров. Сыграла свою роль и позиция монарха. Александр I был в курсе принятого 17 декабря Комитетом министров решения о приостановке движения пленных, поскольку в самом журнале Комитета сказано о не необходимости представления его императору¹³⁶. Возможно, что журнал дошел до находившегося при армии царя после 3 января, когда указом он подтвердил необходимость отправления в Орел желающих вступить в легионы, но и после этого возможность урегулирования возникшей правовой коллизии сохранялась, однако не была использована верховной властью. Политические виды оказались сильнее здравого смысла и гуманитарный соображений. Специального предписания о приостановке пленных, направлявшихся в орловские «легионы», не последовало.

Нескоординированность действий властей, бюрократическая волокита, проявленная в вопросах снабжения легионов, вообще создает впечатление, что их организации власти не придавали серьезного значения, тем более что к моменту, когда они начали формироваться, Великая армия перестала существовать и могущество Наполеона было серьезно поколеблено. Это отношение выразилось, в частности, в том, что предписание об отправке сукна на обмундирование первых 15 офицеров (о чем Герздорф просил в начале февраля) было дано только 31 марта, а исполнение этого «заказа» в полном объеме растянулось еще на два с лишним месяца. Впрочем, к апрелю число офицеров увеличилось и «заказ» пришлось пересматривать. Более того, часть сукна оказалась вовсе непригодной. Деньги на легионы из Министерства финансов в Военное министерство поступили только в середине марта, причем в непропорционально большом объеме; но тем не менее в Орле ощущались финансовые трудности. При всем этом контраст между объемом административной переписки и мизерными реальными размерами легионов поражает. Конечно, при оценке действий центральной администрации нужно сделать скидку на условия военного времени и быстро меняющуюся обстановку. Но в случае, если бы не произошло массовой

гибели пленных, направленных в легионы, и их численность приблизилась к планируемой, серьезных проблем с их снабжением избежать бы не удалось. В противоположность центральным властям, рассматривавшим легионы скорее как политическую декорацию и дополнительную финансовую обузу, генерал Герздорф, насколько это было возможно, проводил линию на превращение их в полноценную воинскую часть.

О неудаче формирования орловских «легионов» свидетельствует их количественный и качественный состав. Вместо предполагавшихся 10 тыс. человек они насчитывали менее 400 человек. Со временем даже в официальной переписке вместо множественного числа «легионы» иногда стало употребляться единственное.

Среди французов, итальянцев и голландцев нашлось не много убежденных противников Наполеона, готовых выступить против него с оружием в руках. Как видно из данных по офицерскому корпусу, некоторую часть легионеров составляли немцы - наименее лояльные союзники французского императора (именно на них делалась ставка при формировании Российско-германского легиона и отряда Дибича). В числе нижних чинов оказалось множество поляков. «Легионы» в Орле стали прибежищем для тех, кто, не желая воевать, хотел лишь облегчить условия своего существования в плену. В связи с этим особо следует отметить свидетельства части пленных о том, что их заставляли принимать присягу насильно. А многие из тех, кто добрался до Орла и принял присягу, впоследствии отказывались от нее. По своему поведению и настроениям легионеры более напоминали банду наемников, нежели дисциплинированную воинскую часть. На личие конвойной команды при движении легионеров из Орла на запад наиболее ярко свидетельствует как о характере этих войск, так и об отношении к ним: легион явно не воспринимался как часть регулярных войск. Впрочем, причина этого виделась военным властям не только в маргинальном составе легионов, но и в плохом руководстве ими. «Легионы», если и имели какое-либо значение, то только политико-пропагандистское. Но за границу «легионы» в том виде, в котором они реально существовали, нельзя было выпускать именно по политическим мотивам, чтобы не нанести удара по репутации русской армии. Именно поэтому и было принято решение об их ликвидации.

С учетом всех военных, политических и административных условий, в которых создавались орловские «легионы», становится ясно, что усилия К.М. Герздорфа, по-видимому, искренне стремившегося честно выполнить возложенное на него дело, заранее были обречены на провал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апухтин В.Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в Орле в 1812-1813 гг. М., 1913; Бессонов В.А. Легион из французских, итальянских и голландских военнопленных // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 406; Миловидов Б.П. История орловских легионов из военнопленных, 1812-1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. VI / Тр. ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 186-199.

² Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 11.

³ Там же. С. 7.

⁴ Материалы об Отечественной войне: Подроб. журнал исходящих бумаг канцелярии главнокомандующего Соединен. армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 214-215

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Там же. С. 218-219.

⁷ Там же. С. 231-232.

⁸ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 13.

⁹ РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 68. Д. 12, ч. 13. Л. 9.

¹⁰ Там же. Д. 23, ч. 2. Л. 31.

¹¹ Апухтин В.Р. Указ. соч. С. 11.

¹² Материалы об Отечественной войне. С. 304.

- ¹³ Там же. С. 302.
- ¹⁴ Там же. С. 303.
- ¹⁵ Интернет-проект «1812 год»: Личности. Биографии генералов русской армии 1812-1815 гг. // URL: http://www.museum.ru/1812/persons/russ/ra_g13.html
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 62. Приношу благодарность А.А. Вершинину за указания на это и другие дела из фонда Углицкого пехотного полка, в которых имеются документы о Герздорфе и формировании орловских «легионов».
- ¹⁷ Там же. Л. 63.
- ¹⁸ Там же. Л. 64.
- ¹⁹ Там же. Л. 66.
- ²⁰ Там же. Л. 69.
- ²¹ Там же. Л. 76.
- ²² Интернет-проект «1812 год»: Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. / С комментариями А. А. Подмазо // URL: http://www.museum.ru/1812/persons/slovar/sl_g13.html
- ²³ РГВИА. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 71.
- ²⁴ Там же. Л. 118-120.
- ²⁵ ПСЗ-1. № 25310; *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 12; РГВИА Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 68. Д. 5, ч. 17. Л. 9.
- ²⁶ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁷ Там же. С. 13-15.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 22.
- ²⁹ Там же. Л. 23.
- ³⁰ Сборник материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1890. Вып. 3. С. 175-176; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 420 а. Л. 545 об.
- ³¹ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 15.
- ³² РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 68. Д. 23, ч. 3. Л. 9.
- ³³ Там же. Д. 17, ч. 6. Л. 11.
- ³⁴ Там же. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 349. Л. 23.
- ³⁵ Там же. Л. 22.
- ³⁶ Там же. Л. 24.
- ³⁷ Там же. Л. 19 об. -20.
- ³⁸ Там же. Л. 2, 9.
- ³⁹ Там же. Л. 17.
- ⁴⁰ Там же. Л. 19-21 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 2.
- ⁴² Там же. Л. 9-10.
- ⁴³ Там же. Д. 348. Л. 45.
- ⁴⁴ Там же. Л. 46 об-47, 48.
- ⁴⁵ Там же. Л. 45.
- ⁴⁶ Там же. Л. 46, 46 об., 48, 138.
- ⁴⁷ Там же. Л. 48-49.
- ⁴⁸ Там же. Л. 49.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 1.
- ⁵⁰ Там же. Л. 11.
- ⁵¹ Там же. Л. 2.
- ⁵² Там же. Л. 12.
- ⁵³ Там же. Л. 12.
- ⁵⁴ Там же. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Л. 3-4.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 53-56, 142.
- ⁵⁷ Там же. Л. 142.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 16-17.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же. Л. 21.
- ⁶¹ Там же. Л. 28.
- ⁶² Там же. Л. 27.
- ⁶³ Там же. Л. 46.
- ⁶⁴ Там же. Л. 32.
- ⁶⁵ Там же. Л. 35.
- ⁶⁶ Там же. Л. 33-34.

- ⁶⁷ Там же. Л. 31.
⁶⁸ Там же. Л. 30-30 об.
⁶⁹ Там же. Л. 43.
⁷⁰ Там же. Л. 36-37.
⁷¹ Там же. Л. 38; Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 31. Л. 1.
⁷² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 35.
⁷³ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 16; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 39.
⁷⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 40.
⁷⁵ Там же. Л. 41.
⁷⁶ Там же. Л. 42.
⁷⁷ Там же. Л. 43.
⁷⁸ Там же. Л. 44.
⁷⁹ Там же. Л. 45-46.
⁸⁰ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 15-16.
⁸¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 48.
⁸² Там же. Л. 49
⁸³ Там же. Л. 56
⁸⁴ Там же. Л. 57.
⁸⁵ Там же. Л. 50.
⁸⁶ Там же. Л. 51-53
⁸⁷ Там же. Л. 54 об.
⁸⁸ Там же. Л. 54-55.
⁸⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 4. Д. 31. Л. 5.
⁹⁰ Там же. Л. 8, 17.
⁹¹ Там же. Л. 7, 9.
⁹² Там же. Л. 11.
⁹³ Там же. Л. 23.
⁹⁴ Там же. Л. 12.
⁹⁵ Там же. Л. 15.
⁹⁶ Там же. Л. 30.
⁹⁷ Там же. Л. 34.
⁹⁸ Там же. Л. 33.
⁹⁹ Там же. Л. 24.
¹⁰⁰ Там же. Л. 39.
¹⁰¹ Там же. Л. 34 об.
¹⁰² Там же. Л. 41.
¹⁰³ Там же. Д. 2600. Л. 5
¹⁰⁴ Там же. Л. 73.
¹⁰⁵ *Худяков С.В.* Энциклопедия «Отечественная война 1812 года»:

Уточ-

нения к некрополю персоналий // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники.

Историография. VII / Тр. ГИМ. М., 2008. Вып. 179. С. 262.

- ¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 1.
¹⁰⁷ Там же. Л. 1, 81.
¹⁰⁸ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 17.
¹⁰⁹ Там же. С. 19.
¹¹⁰ РГВИА Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 59.
¹¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 59.
¹¹² Там же. Л. 60.
¹¹³ Там же. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 53-56.
¹¹⁴ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 17-19.
¹¹⁵ Там же. С. 18; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 59.
¹¹⁶ РГВИА. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 141.
¹¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2940. Л. 63.
¹¹⁸ Там же. Л. 62.
¹¹⁹ Там же. Л. 64.
¹²⁰ Там же. Л. 61.
¹²¹ Там же. Л. 65.
¹²² Там же. Ф. 2677. Оп. 1. Д. 348. Л. 142.
¹²³ Там же. Л. 59.
¹²⁴ Там же. Л. 141.
¹²⁵ Там же. Л. 60-60 об.
¹²⁶ *Алехтин В.Р.* Указ. соч. С. 19.
¹²⁷ РГВИА Ф. 396. Оп. 4. Д. 31. Л. 41.
¹²⁸ РГИА Ф. 1409. Оп.1. Д. 776. Ч.4. Л. 37.
¹²⁹ Там же. Л. 37.
¹³⁰ Там же. Л. 44-45.
¹³¹ Там же. Л. 146-147.
¹³² Там же. Л. 39.

¹³³Там же. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 25.

¹³⁴Там же. Л. 23.

¹³⁵Там же. Л. 27.

¹³⁶Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I, 1802-1826. СПб., 1891. Т. 2. С. 647.